

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VII

посвящается 100-летию со дня рождения Д. Нацагдорджа
(монг. Д. Нацагдорж)

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2007

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Редакционная коллегия:
И. В. Кульганек (председатель), *Л. Г. Скородумова*, *Н. С. Яхонтова*

Проект реализован при финансовой поддержке Правительства Санкт-Петербурга

Монголика-VII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. — 144 с.

Сборник посвящен 100-летию со дня рождения Дашдоржийна Нацагдорджа (монг. Дашдоржийн Нацагдорж) (1906—1937) — выдающегося монгольского поэта, драматурга, писателя, переводчика, общественного деятеля, одного из самых образованных людей Монголии своего времени. Значение творчества Д. Нацагдорджа для культуры Монголии неосенимо. Его по праву можно назвать основоположником новой национальной реалистической литературы, воедино связавшим в своем творчестве фольклорные традиции и авторское литературное новаторство.

Основными авторами сборника являются преимущественно ученые петербургской школы, хотя многие из них работают в настоящее время, помимо Санкт-Петербурга, в научных центрах Москвы, Бурятии, Калмыкии, где сосредоточена отечественная монголистика.

Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгольязычных народов существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

«Монголика-VII» имеет 7 разделов — «Литературоведение и фольклористика», «Историография и источниковедение», «Научные архивы востоковедов», «Наши переводы», «Новости научной жизни», «Рецензии», мемориальная часть сборника посвящена научному и художественному наследию Д. Нацагдорджа.

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-360-8

9 785858 033608

© Петербургское Востоковедение, 2007

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	.....	5
К. Н. Яцковская	Из рода «хранителей тайны огня»	10
Л. К. Герасимович	Еще раз о рассказе Д. Нацагдорджа «Слезы ламы»	20
Л. Г. Скородумова	Мифопоэтическая концепция в творчестве Д. Нацагдоржа (Опыт реконструкции текста)	23
Л. С. Дампилова	Д. Нацагдордж и современная монголоязычная поэзия	32
Литературоведение, фольклористика		
М. П. Петрова	Поэтика постмодернизма в романе Г. Аюрзаны «Долг в десять снов»	35
Б. С. Дугаров	Образ Хормусты в монгольской эпической традиции	37
К. А. Эдлеева	Жанрово-композиционное своеобразие магтала	41
Д. А. Николаева	Генезис мифоритуальных аспектов кругового танца «ёхор» у западных бурят	46
Д. Нансалма	Одежда монголов	54
Историография и источниковедение		
Е. И. Кычанов	Отголоски сюжета об «избиении младенцев» в рассказах о предках Чингис-хана	57
Н. А. Лифанов	Род Тайчжиуд и начало монгольской государственности	59
А. Г. Юрченко	Кумысная церемония при дворе Бату-хана	62
Ю. И. Дробышев	Экологические сюжеты в средневековом монгольском законодательстве	71
В. Л. Успенский	Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. В. Попова	83
Научные архивы востоковедов		
	Из воспоминаний М. И. Клягиной-Кондратьевой	87
	Письма А. Д. Симукова к П. К. Козлову и Е. В. Козловой	102
Наши переводы		
	Из поэзии Д. Нацагдорджа	110
Ц. Тумэнбаяр	Уральская рябинушка	112
	Из современной монгольской прозы	114
Новости научной жизни		
	Конференция, посвященная Агвану Доржиеву (Санкт-Петербург, Россия)	120
	Конференция, посвященная эпосу «Джангар» (Урумчи, Китай)	123
Обзоры и рецензии		
	Обзор изданий на русском языке по монголоведению за 2006—2007 годы	126
	Рецензии	133
Некролог	.....	138
Summary	.....	140

Л. С. Дампилова

Д. Нацагдордж и современная монголоязычная поэзия *

Современная монголоязычная поэзия, разделившаяся на несколько ветвей в разных государствах, продолжает традиции общей, «материнской», монгольской литературы. Высказывание выдающегося востоковеда Б. Я. Владимирцова о том, что «монгольская литература — литература кочевого народа, который, прожив бурно разные периоды своей истории, сумел, оставаясь тем же кочевником, сохранить и поддержать своеобразную культуру» [1: 66], и сегодня остается актуальным. В современной монголоязычной поэзии одним из ведущих мотивов является мифологема памяти, например, память об исторической прародине, а также магталы, связанные со значимыми символами родины. К сакральному топосу относятся как историческое действительное пространство, так и пространство мифическое.

Для каждого этноса есть свои заповедные, особые места, воспеваемые на протяжении веков. Великие реки Онон и Керулен, горы Алтай и Хухэй в монгольском фольклоре и литературе используются не в качестве обычного топонима, а именно как топоним-символ. Так, в знаменитом стихотворении Д. Нацагдорджа о Монголии данные топонимы перечислены как воплощение сокровенной сути родины: *Хэнтий, Хангай, Соёны ондор сайхан нуруунууд / Хойд зугийн чимэг болсон ой ховчин уулнууд... / Хэрлэн, Онон, Туулын тунгалаг ариун морнууд / Хотол олны эм болсон горхи, булаг рашаанууд* («Хангай, Хэнтэй, Саяны — прекрасные высокие хребты / Северной стороны, ставшие украшением лесами покрытые горы... / Керулен, Онон, Тула — прозрачные чистые реки, / Для всех ставшие целебными родники и аршаны») [4: 10].

Особо хотелось бы обратить внимание на связь данного стихотворения с шаманской традицией, которая оказала свое несомненное влияние на развитие монгольского стихосложения и на формирование современной монгольской поэзии. В книге «Воспоминания и заметки о Д. Нацагдордже» Т. Нацагдордж

пишет, что поэт прочел первые строчки своего стихотворения «Моя родина», заявив при этом: «Я успел изучить ритм шаманского стихотворения, которое слышал прошлым летом... В стихотворениях шамана исключительная техника стихосложения» [2: 38]. Д. Нацагдордж, будучи поэтом, по достоинству оценил повышенную образную насыщенность и ассоциативность шаманских стихотворных текстов, внутреннюю выразительность ритмики. Стих написан с четкой рифмой в конце, повторяя мелодичность и напевность шаманских песнопений. В оде (*магтаале*) Нацагдорджа отсутствуют глаголы, идет нанизывание назывных предложений в ритме восхождения, интонация перечисления точно копирует интонацию шаманских гимнов, и каждая строфа завершается характерным для гимнов рефреном-выводом:

*Энэ бол миний торсон нутаг
Монголын сайхан орон [4: 10].*

Это моя родина
Прекрасная Монголия.

В данном стихотворении прослеживается не только ритмика, техника шаманского стихосложения, но и семантическая связь с шаманскими песнопениями, в которых обязательно присутствует воспевание сакральных природных объектов.

Не случайно в лирике одного из наиболее традиционных поэтов Монголии Б. Явухулана видится закономерная преемственность возвышенной, семантически обусловленной в контексте монгольского менталитета культурно-эстетической манеры Д. Нацагдорджа. В известных стихотворениях «Где я родился» и «Звон серебряной уздечки», композиционно и тематически близких к вышеупомянутому стихотворению Нацагдорджа, создана колоритная картина родной Монголии. Поэт масштабно и детально наблюдает просторы от высокого синего неба до речной глади, как бы высвечивая наиболее значимые сакральные точки: ночное небо в звездах, снежная гора, волны речной воды, отражающие тень сереб-

* Выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 05-06- 80183.

ряной луны, благоухающая, ласкающая взор саранка, перевозданно нетронутая голубая степь. Поэтическая энергия стиха повышается за счет завершающего рефрена, придающего семантическую цельнооформленность всему тексту. В конце каждой строфы в рефрене варьируется основная мысль: «Да, владыкой бездонного неба на свет я родился!», «Да, хозяином гор недоступных на свет я родился», «Да, хозяином прятных покровов на свет я родился» [7: 12].

В поэтическом тексте Явухулана реализуются одновременно как предметные, так и образные средства. Пейзажные картины перемежаются с эмоциональными психологически тонкими размышлениями, с неожиданным ракурсом видения мира, присущим именно кочевнику: душа прекрасной девушки похожа на дремлющую лебедь, радуется слух и успокаивает сердце звон стремени мчащегося скакуна. Юрта, очаг, блеск девичьих глаз, складки подола дэли, благоухающей молоком и травами, вино в серебряной чаше на голубом хадаке. Семантические поля художественных образов, пространственные и временные ориентиры, совпадая с фольклорными и древними литературными традициями монгольской словесности, создают этнокультурную картину жизни.

Для поэзии Б. Явухулана характерны глубинные связи с мифологическими мотивами, как писал в стихотворении, посвященном памяти Явухулана, известный бурятский поэт Баир Дугаров: «И в стихах двадцатого столетия / лунный свет струился между строк». В его лирике прямые фольклорно-этнографические реалии присутствуют наравне с генеалогическими «отфольклорными» традициями, например, в стихотворении «Хүсэл» («Мечта, желание») лирический герой хотел бы быть синим морем, чтобы в его водах могла купаться и плескаться прекрасная серебряная лебедь — его возлюбленная.

*Оломгуй хох далай болох минь ч яалаа даа
Олдошгуй сайхан амрагаа би монгон хун болгоод
Оюун цэнхэр мандалдаа умбуулж шумбуулж, ховуулэхсэн
Оломгуй хох далай болох минь ч яалаа даа* [6: 236].

В данном стихотворении присутствуют не только мотивы древней песни фольклорного происхождения, в нем явно чувствуется аллюзивная вариация на тему лебеди-праматери. В монгольском фольклоре мифологема моря как сакрального топоса семантически связана с материнским / женским началом (устойчивая формула «молочное море — мать, скалистые горы — отец»).

В лирике народного поэта Калмыкии Эрдни Эльдышева сквозным мотивом проходит мифологема дерева как память/воспоминание. Дерево, являясь древом позитивной памяти, притягивает парадигму воспоминаний об исторической прародине. Древю памяти соединяет с истоком, с предками, кочевавшими по бескрайним степям Евразии. В поэзии Эльдышева «дерево детства» — это символ молодости, древо жизни, связующее непрерывную нить поколений: «С давней поры и до этого дня / дерево деда

встречает меня» [5: 23]. В восточной эстетике дерево наиболее обозначено как символ жизненной силы, мудрости. «Мудрое дерево» Эрдни Эльдышева — старый верный друг, хранящий в памяти печальные вехи истории, умеющий понять душу поэта и подсказать верный путь: «Я знаю, оно понимает / Все то, что скажу про себя...», «И, мудрое, вновь проверяет, / О том ли я нынче пою?» [5: 13].

Прошлое азиатских просторов в монголоязычной поэзии — это смена племен и народов, родина кочевого народа, в битве утверждающего право на существование. Основной стержень живучести нации — в нравственных началах, для монгольской культуры естественной была устная передача родословных преданий, легенд, заучивание наизусть родословной генеалогии. Традиция монголоязычных народов — обязательно знать свою родословную до седьмого — девятого колена, в бесконечных войнах и непрерывном движении они сохранили генеалогическое древо как историческую память.

Символично название поэмы Лопсона Тапхаева «Угай туухэ» («История родословной») [3: 5—59]. Рассматривая текст на уровне мифопоэтики, мы воспринимаем сюжетно-композиционную канву поэмы как глубинный пласт «мифологического подтекста», образующий в тексте «связи совершенно особого рода». Поэт дает развернутую историю центрально-азиатских народов, привлекая родословные легенды, археологические и этнографические материалы. Возможно, привязанность автора к историческим событиям и научным фактам в некоторой степени перегружает текст перечислениями событий, но в целом впервые в бурятской поэзии предпринята попытка в лироэпическом жанре проследить путь кочевых племен. Л. Тапхаев символически обозначает путь родословной как непрерывающуюся нить: *Тахам шэнги угаа / Таһалха ёһогуй байгаа* («Как кожаный ремень, род / Нельзя было прервать») (с. 16). Он видит себя кирпичиком в огромном здании родословной, верхним звеном цепи: *Гарбалай ундэр субаргын / Шобхо оройнь хэбэртэйб* («На вершине субургана родословной / Чувствую себя вершиной»). Художественный концепт личности в поэме мифогенный: все перечисленные образы родословной связи архетипически восходят к символу мирового древа.

Путь родословной как непрерывная пространственно-временная форма проживания жизни вырисовывается в устойчивых архетонических контекстах: *Наранһаа гал залаһан / Орой сагаан бургэдтэ / Ойхондоо мургэдэг / Баргажанай эхирэд* («От солнца огонь получившему / Белоголовому Орлу, / Ольхону молящиеся / Баргузинские эхирить») (с. 20). Архетипический, в частности в рамках шаманской мифологии, смысл эпизода требует разъяснения. Где бы сегодня ни жили люди определенного племени, в призываниях всегда упоминается родина, откуда пришел род, выстраивается линия вплоть до небесных тотемных корней. Потому баргузинские эхириты и воспевают в призываниях просторы реки Лены как свою изначальную родину, а некоторые из

них связаны своим происхождением с островом Ольхон и тотемным предком Орлом.

Поэма изобилует цитатными коллажами из шаманских призываний. Трансформацией гимна шошолокского рода является следующий текст: *Хурма-ста тэнгэригээ хургаалтай / Тэбхэр дээрээ буудалтай / Ерэн юһэн дархад Ехэ Шошоолог* («От Хурма-ста тэнгри знания получившие, / На [вершину горы] Тэбхэр спустившиеся, / Десяносто девять кузнецов — Великих шошолоков») (с. 24). Если племя эхирит начинает свою родословную песнь с восхваления тотемной птицы — Орла, то гимн о происхождении рода шошолок начинается с восхваления главного божества западных небес — Хана Хормусты. Небесное происхождение монгольских родов доказывается в каждом случае атрибутивными формульными выражениями, отсылающими к первопредкам.

Используя поэтическую специфику традиционных формул народной лирики, автор в поэме создает широкую панораму, раскрывающуюся при расшифровке подтекста. Например, время событий коротко датируется традиционной формулой. Широко применяемое в шаманских текстах и исторических легендах известное изречение *Бушагтын буһалгаанда / Сайн хаанай намаргаанда* («В пору волнений Бошокто хана, / В пору смуты Сайн хана») обозначает период междоусобных войн ойратского хана Галдан Бошикто в 1689—1690 гг.

Литература

1. *Владимирцов Б. Я.* Работы по литературе монгольских народов. М., 2003.
2. *Нацагдорж Т.* Воспоминания и заметки о Д. Нацагдорже. Улаанбаатар, 1966.
3. *Танхаев Л. Д.* Угай бэшэг. Улаан-Удэ, 1988.
4. Уран зохиолын дээж. Улаанбаатар, 1966.
5. *Эльдэшев Э.* Мудрое дерево. Элиста, 2006.
6. *Явуухулан Б.* Намрын монгон оглоо. Улаанбаатар, 1977.
7. *Явуухулан Б.* Избранное. М., 1987.

Эпилог поэмы как внутренне (семантически), так и внешне (ритмически) оформлен по фольклорным традициям: *Эрьюулгэтэй арһые / Элдэжэ түлхихэн бээмнайл. / Энэ дэлхэйн уйлые / Хубаалдаһан хубимнайл* («Как шкуру в кожемялке / Толкавшие мы, / Этой вселенной судьбу / Разделившие мы») (с. 58). Изречение имеет глубокое философское значение, хотя дословный перевод почти бессмысленный. Кожемялка (*эрьюулгэ* ‘круговращенье’) — один из самых значимых символов кочевой жизни. Ежедневное вращение кожемялки по кругу, как один из необходимых атрибутов жизненной функции монгольских народов, аллюзивно притягивает ритуальный символ вращения круга (*хурдэ*) в буддийских монастырях по ходу солнца. В этом видится символика самой жизни в контексте вселенной, символика бесконечной цепи родословной человеческих поколений, в которой важно каждое его звено.

Таким образом, монгольязычная поэзия, используя мифы и легенды, категории символа и архетипа на уровне художественного образа, воссоздает эстетические принципы, которые формируют специфику лирического художественного канона. Выявление семантических доминант дискурсного, культурно-эстетического, духовного характера в творчестве Д. Нацагдорджа и современных поэтов монгольязычного мира помогает постижению глубинного смысла текста.